

Действительно, для проводников последствия насильственной связи были просто невыносимы. В конце концов, это дело всей жизни, и если уж тебя связали, в большинстве случаев оставалось только смириться с неизбежным, ведь после установления связи разделись часовые и проводники уже не могли, так чтолей-нелей приходилось принимать свою участь.

Вот только часовые, добывавшие себе проводников таким способом, не пользовались доброй славой. В основном большинство людей смотрело на них с презрением, словно налей клеймо позора, с которым даже в армию не брали.

Лука просто шутил, однако он никак не ожидал, что Хоман всерьёз задумается о практической стороне вопроса. Спустя мгновение тот поднял голову: Я знаю. Но что касается такого человека, как Людвиг, стоит возникнуть конфликту, как пути назад уже не будет. При этом у него самого на данный момент не было абсолютной силы, чтобы подавить того превосходством. Разумеется, такие горькие истины Хоман держал при себе, прекрасно всё понимая.

— Тьфу! — Лука изумился. — Дружище, да ты никак отчаянный... Я же просто пошутил.

В глубине души Лука, конечно, не считал, что Хоман не сможет одолеть Людвигу. В конце концов, Людвиг — проводник, и даже если он побеждал многих часовых и снискал громкую славу, окружающие всё равно часто списывали это на то, что часовые просто поддавались ему. Даже Хоман не мог полностью избавиться от этого предвзятого мнения.

— Я не знаю его второго имени, никогда не видел его духовного зверя и даже понятия не имею, что ему нравится.

— Так что, по сути, от того, что я тут сижу, толку ноль, — невозмутимо подытожил Хоман.

Лука подавился словами и фыркнул: — Тогда что ты сам-то можешь сделать?

Хоман поднялся на ноги: — По крайней мере, это лучше, чем просто сидеть.

— Спасибо, Лука. Хоть от этого и мало толку.

Лука скорчил рожу.

Договорив, Хоман толкнул дверь и вышел из казармы. Саймон же, который обычно даже пальцем пошевелить ленился, заметив уходящего Хомана, неожиданно задумался, склонив голову набок, и последовал за ним — явление поистине редчайшее.

Хоман вовсе не шёл просто прогуляться.

Слова Луки действительно подтолкнули его к мысли: когда пытаешься добиться проводника,

вместо того чтобы следовать собственным принципам и действовать лишь тогда, когда всё просчитано до мелочей, лучше активно собирать информацию и стараться быть ближе. В конце концов, судя по тому, что ему удалось узнать со стороны, когда заглядываешься на такого сильного проводника, как Людвиг, планы вечно рушатся от любых перемен.

На тенистой аллее веял лёгкий ветерок, а свежий запах травы приятно освежал мысли. Только такая военная академия, как Феникс, носившая звание первой в Империи, могла позволить себе тратить астрономические суммы на подобные излишества в общественной инфраструктуре.

Вокруг не было ни души, лишь изредка проезжал мимо робот-уборщик.

Именно в этот момент навстречу ему кто-то с криком выбежал из-за поворота.

Хоман сделал шаг вперёд и перехватил этого парня: — Что там впереди?

Не успел он схватить его, как этот человек истошно завопил: — А! Отпусти!

Оказалось, это проводник. Кареглазый, рыжеволосый, весьма миловидный внешне. Вот только выражение лица было каким-то перекошенным, словно он смотрел на Хомана как на мерзкого таракана.

И надо же: за целый год порой и одного проводника не встретишь, а теперь они буквально на каждом шагу попадаются — невесть какой попутный ветер их сюда принёс.

Голосок у этого попутного ветерка был что надо — пронзительный: — Не хватайте меня! Я вовсе не собираюсь с вами связываться!

Хоман: — Что там произошло? Скажи мне, и я тебя отпущу.

Тонкоголосый паренёк побрыкался на тонких ножках, но так и не смог вырваться из хватки Хомана, после чего жалобно поднял голову и фыркнул.

Хоман вздохнул и только собрался разжать руку, как рыжеволосый мальчишка снова вскинул голову.

Заметив орехово-зелёные глаза Хомана, рыжий замер, его губы задрожали, и он неожиданно сдал назад: — Впереди несколько часовых... и один проводник.

Что означает ситуация, когда часовые окружают проводника, было понятно без лишних слов.

Хоман никогда не отличался нежностью к слабым, взвесив всё, он решил не вмешиваться. Стоило ему ослабить хватку, как тонкоголосый тут же упорхнул прочь. Никогда ещё ему не доводилось видеть проводника, способного передвигаться с такой невероятной скоростью.

Он уже собирался уходить, как вдруг уловил слабый аромат феромонов, донёсшийся спереди. Хоман опешил и резко обернулся.

Это...

Запах Людвига.

Пять чувств Хомана среди несовершеннолетних часовых было трудно назвать особо обострёнными, однако к аромату Людвига он почему-то был невероятно чувствителен.

Воистину, небеса противятся планам людей, и вот теперь такая возможность побывать героем, спасающим красавца, сама плыла ему в руки. Уголки губ Хомана изогнулись, скрыть радостное воодушевление было просто невозможно.

— Эй! Ты тот самый Людвиг? Тот самый, что вышвырнул Банпа из Феникса? — провокационно бросил высокий часовой Шон, окружив его вместе с семью-восемью другими парнями полукругом.

Шон тоже был студентом, уже отучившимся в академии Феникс пять лет. Хоман обычно почти с ним не пересекался: способности у того были неплохие, вот только добрыми делами он не занимался, славился скверной репутацией и вечно сбивал стайки одержимых избытком мужских гормонов часовых, чтобы творить бесчинства.

Вот только этот до мозга костей дремучий самец оказался ниже ростом, чем стоявший в самом центре окружения проводник. Его спесь мгновенно испарилась наполовину, и он осрамился по полной программе.

Хотя, возможно, именно по этой причине с позиции Хомана было видно, что Шон изрядно разъярен от собственного бессилия.

Напротив, проводник, которому вроде как угрожали, преспокойно прислонился к стене, покусывая травинку и поигрывая кольцом на пальце. Он даже голову не поднял, явно ни в грош не ставя всю эту компанию. Словно вокруг него стояли не курсанты-часовые, а валяющийся на дороге мусор.

Серебристые пряди послушно лежали на плечах, ещё сильнее подчеркивая его ладно скроенную, прямую талию.

Шон едва ли не дымился от злости, он уже собирался разразиться бранью, но, скосив глаза на

точёную, словно из белого нефрита, линию подбородка Людвига, вдруг недобро усмехнулся: — Что, решил изобразить героя, спасающего красавчика, а теперь самому не по себе? Этот рыжий Вуд сбежал, ты решил подставиться под удар, а теперь слова сказать боишься?

Рыжий малец?

Значит, это был тот самый проводник, который только что сбежал.

Хоман размышлял над этим и думал: выходит, Людвиг так близок с тем сбежавшим сопляком?

От этих мыслей на душе у него почему-то заскребли кошки — какая вообще может быть польза от союза двух проводников?

— Ха-ха-ха! Проводникам следовало бы сидеть дома тише воды ниже травы и ждать, пока их отымеют, а не лезть на рожон с нулевой физической подготовкой!

— И на что ты надеешься? На того попугая, который даже человеческой речи не понимает?

— Дурак! Дурак! Дурак! — закричал пестрый попугайчик, сидевший на плече у Людвига. Его слова разозлили Шона так, что тот едва не рухнул на землю.

Попугай? Откуда здесь взялся попугай?

Шон даже не стал договаривать — снедаемый яростью, он бросился в атаку напрямую.

Изначально Хоман планировал понаблюдать за обстановкой и вмешаться в самый критический момент, но он никак не ожидал, что Шон окажется настолько мелочным даже по отношению к проводнику. Броситься наперерез было уже слишком поздно.

Хлобысь!

Однако удар пришёлся вовсе не по Людвигу.

Мощный и сильный удар ногой с разворота прилетел прямо в живот Шону, и в следующее мгновение тот отлетел на добрых два десятка футов. Шон попытался тут же вскочить, долго катался по земле, но подняться так и не смог. Приподняв голову, он выплюнул полный рот крови.

Все замерли, включая Хомана.

Людвиг поправил волосы, прикурил сигарету и небрежно швырнул пёстрого попугая в сторону.

Птица, казалось, привыкла к такому обращению, замахала пухлыми крыльями, нашла укромное местечко у стены и неожиданно принялась отбивать ритм: — Унц-уц-дык, эй-гей-гей, унц-уц-дык...

— Тряпка тупая, ничтожество убогое, раз не можешь встать — нечего и под себя ходить! Опять получил под зад, опять отхватил люлей! Какой от тебя вообще толк? Топай домой к мамочке, ха-ха-ха-ха-ха! Унц-уц-дык, унц-уц-дык!

Это что ещё за хрен с бугра — духовный зверь, читающий рэп?! Какого чёрта?

Хоман снова был поражен до глубины души. Его изумление ничуть не уступало тому моменту, когда он только что увидел, как Людвиг одним ударом ноги отправил часового уровня физической подготовки В валяться на земле без возможности подняться.

Будь на месте Шопа обычные люди, они бы непременно разбежались при виде поверженного главаря. Однако часовые издавна славились своим буйным и задиристым нравом: заметив, что их вожак повержен, они не испугались, а напротив, лишь распалились и толпой ринулись вперед.

Людвиг казался обладателем невероятно обострённых чувств — он неизменно предугадывал движения каждого часового ровно за секунду до того, как те успевали нанести удар.

Хлобысь!

Хлобысь!

Хлобысь!

Попугай продолжал отбивать ритм, а Людвиг тем временем раскидывал противников по одному за раз — не успела пройти и половина оставшихся часовых, как они наконец сообразили, что перед ними далеко не обычный проводник.

К сожалению, пара слабых контратак не принесла никакого результата, и не успела закончиться песня попугая, как все семь или восемь рослых часовых уже валялись на земле. Они даже головы не могли поднять.

Попугай допел, захлопал крыльями и взмыл в воздух: — Людвиг — просто огонь! Небесно крут! Мощно! Мощно!

Людвиг обернулся и одним движением руки смахнул попугая на землю: — Заткнись!

— Писк! — бедная птица лежала на спине, суча лапками.

Людвиг не выказал к ней ни капли жалости и даже смотреть в её сторону не стал: — Как же вы все меня задолбали.

Бросив недокуренную сигарету на землю, он снова прислонился к тому же месту и погрузился в раздумья о смысле жизни. Словно ничего из ряда вон выходящего и не произошло.

<http://bllate.org/book/19385/1896225>